

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В ТВОЕЙ ВЛАСТИ

ЭМИ МУН

Эми Мун

В твоей власти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67719159

SelfPub; 2022

Аннотация

Ее подарок на день рождения – живая игрушка. Личный раб и охранник в одном лице. Отец называет их животными, а Николь не может выносить вида узкой полоски железа на шее. Только прав у нее немногим больше, чем у пленного оборотня. Лишенный эмоций, безымянный и молчаливый, мужчина следует за ней по пятам, но все чаще ей мерещится обжигающий похотью взгляд, а ещё тихое и очень злое рычание.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	66
Глава 7	70
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Эми Мун

В твоей власти

Пролог

– Пожалуйста... пожалуйста не трогай ее! Я сделаю все, что захочешь!

Худенькая женщина тряслась от рвущихся из груди рыданий. Закрывала собой дверь детской, как будто хлипкая фанера могла остановить ублюдка, разрушившего ее жизнь.

Ответом стал тихий щелчок затвора, и бедняжка тихонько охнула, почувствовав животом холодный металл.

– Будешь брыкаться – и твоя дочурка лично увидит, как ее мама сгрэбает кишки в кучу. А потом я отдам девочку одному хорошему знакомому. Он как раз искал крошку для развлечений.

Мужчина слегка надавил пистолетом, словно ставя точку в коротком диалоге. И женщина замолкла. Закрыла рот ладонями, борясь с тошнотой и мольбами оставить их в покое.

Жесткий толчок снес в сторону, и во рту стало солоно от крови, но боли она не чувствовала – внутри кипела агония. Тихая, страшная... разрывала на части, наполняя диким страхом, но не за себя.

Девочка спала. Ее маленькая любимая зайка... Слезы ка-

пали одна за одной. Женщина утирала их ледяными пальцами и никак не могла заставить себя прекратить плакать. Не уберегла. Не спряталась достаточно хорошо... Господи, кто их сдал? Охрана? Кто-нибудь из прислуги?

Но она никому не говорила о своем положении. Сама, как только узнала, сбежала прочь, спасая себя и ребенка. И молилась, молилась изо всех сил, чтобы ее не нашли.

Мужчина вошел в детскую. Осмотрел тесное помещение, скромную мебель и рисунки на стене. Брезгливо поморщился. Зазнавшийся богатый ублюдок. Мразь, против которого она даже не пыль, а в сотню раз мельче.

Бесшумно присев перед девочкой, откинул в сторону локон, мешавший разглядеть черты лица. Искал сходство, да только тут его и в помине нет.

– Что ты с ней сделаешь? – всхлипнула, не выдержав агонии. Лучше бы ее пристрелили! Шесть лет назад, до того, как все произошло.

Ублюдок не ответил. Вместо этого без всякой нежности тряхнул ребенка за плечо, вынуждая открыть глаза. Зелёные, как у матери, но с одним отличием: золотые крапинки – то небольшое, что досталось от отца.

– Ой, ты кто?

Сонный голосок звучал так настороженно... Женщина до боли заламывала пальцы, из последних сил пытаясь не напугать дочку истерикой. Он не тронет ее. Не решится. Потому что больше не может иметь детей, и каждый наследник до-

рог. Иначе бы не примчался сюда. Не стал даже смотреть в их сторону, позволив жить дальше.

– Называй меня папа, – проскрежетал ненавистный голос. – Собери ребенка. У тебя три минуты.

И сердце прыгнуло под горло, останавливая надрывный крик. Невероятным усилием воли женщина заставила себя улыбнуться и протянула руки к дочке.

– Доброе утро, солнышко. Давай... давай немного прогуляемся?

Девочка испуганно глянула мужчину и нырнула в объятия, которые теперь не могли дать ей защиты.

– Я не хочу.

– Надо, милая... Не бойся, все будет хорошо.

Глава 1

В горле стоял мерзкий привкус кислятины. Весь день без нормальной еды, от голода желудок повело, а вот не заставить себя куска съесть, как ни старайся.

– Еще минуточку, дорогая, поправим тут и тут...

Николь кое-как изобразила улыбку. Папаша натравил на нее лучших стилистов и модельеров. Товар должен выглядеть безупречно.

Вдоль позвоночника протянула нервная дрожь. Черт... Знала же, что этот день настанет. Совершеннолетнюю дочурку выпихнут в свет с ценником во весь рост. Вот она – именинница, налетай, смотри, но ручонки держи при себе. До поры до времени.

Проституточно-открытое платье и куча побрякушек из ювелирной коллекции кого-то там орала в голос о том, что нищebroдам лучше утереть слюни. Только настоящие дельцы с кучей прибыли в кармане. А кто он: шейх, бизнесмен или извращенец, решивший обновить гарем – отцу без разницы. Боже, может, удастся добыть яд? От одной мысли, что придется лечь под какого-нибудь ублюдка во благо денежной империи их семейки, становилось тошно.

– Отлично, полюбуйтеесь!

Ее ловко развернули к зеркалу. Вот черт...

Девушка напротив скривила пухленькие губки, но в зе-

ленных глазах искрилась паника. Да ее такую трахнут за первым же углом! Кожа нежненькая, щечки миленькие, бровки трогательно выгнуты... Только школьных чулок не хватает и бантика на голове, но вместо него карамельный водопад сколот невидимками и украшен жемчугом.

– Как вам? – не сдавался стилист.

Улыбка намертво к губам присохла, но сам напряжен, как струна. Такая честь – обхаживать дочурку самого господина Оржевски, одного из представителей Верхнего Парламента. А еще большая опасность – разговор у отца короткий. Пальцами шелкнет – и карьера бедняжки под откос пойдет, а то и самого в утиль отправят.

– Замечательно, – выдавила из себя.

Как раз то, что нужно для продажи. На мордашку – сама невинность, а черное платье-коктейль едва задницу прикрывает.

От мысли, что ее такой увидит Макс, подурнело с новой силой. Николь думать не хотела, какие эпитеты приготовил для нее братец. Наверняка шляха – это самое безобидное. Он мастер на выдумки... Висок тихонько кольнуло – воспоминание о первом знакомстве: проломленная голова и неделька в коме.

Макс приветствовал единокровную сестру хлопком по спине, который отшвырнул шестилетнюю малышку на журнальный столик. Потом, конечно, ей принесли извинения, но только потому, что за плечом подростка черной тенью навиги-

сал отец. Больше Николь не трогали. По крайней мере, открыто.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла причина ее измотанных нервов. Пропавшие игрушки, порванные тетрадки, мерзкий шепоток в спину о том, что она выронок, грязная кровь... Так и есть.

– Выглядишь дешевкой, – криво ухмыльнулся Макс.

Как всегда, весь в темном, с показательно-небрежной прической и дорогушей тикалкой на запястье, он подпирал плечом косяк и не стеснялся лапать ее взглядом.

– Дешевки – твои соски насилитконенные, – огрызнулась больше по привычке, чем от обиды.

Господи, и что женщины в этом хамле находят? Но волевая мордашка и тугой кошелек – слишком сладкая наживка. И, разумеется, каждая думает, что она та самая, кто заставит бездушную тварь чувствовать нечто большее, чем желание потрахаться. И да, ему плевать на пристойное поведение. Не повезло папе с детками. Один – тупой любитель развлечений, вторая – плебейская кровь.

– Ты и ногтя их не стоишь, сестренка, – завелся с пол-оборота. – Шевели копытами – гости заждались.

Николь смолчала. Макса не переспорить – проверено. Взбесится за минуту, а потом выкинет какую-нибудь гадость. Зачем отец его сюда отправил? Не мог прислать охрану?

Мимо прошла, нарочно стараясь держаться подальше. Опять парфюмом облился с ног до головы, в носу свербит.

Братец, на удивление, смолчал – пристроился позади, а у нее пальцы занемели от желания подол ниже одернуть.

Николь мысленно перевела дух. Надо собраться. Выглядеть трясущейся от страха обиженной она не будет. И обязательно найдет лазейку из золотой клетки, сколько бы амбарных замков на нее ни навесили.

Шпильки цокали по мрамору слишком громко. Вокруг неслыханная роскошь. Хрустальные люстры, картины, мебель из красного дерева в стиле Роккоко... и ни капли уюта. За двенадцать лет этот особняк так и не стал ей домом. И в памяти до сих пор лицо матери. С неестественно широкой улыбкой и полными слез глазами. Сначала маленькая Николь не понимала, почему ее предали. Отдали какому-то незнакомому дяде, наобещав, что скоро заберут и так надо. Она плакала, обижалась и снова плакала... Звала, захлебываясь горько несправедливостью, но прозрение все же пришло. Со временем.

Стеклянный лифт распахнулся, как западня, в которую она должна добровольно сунуть голову. Так хотелось спуститься по лестнице, но целых два этажа – это же непозволительно много для статуса мисс Оржевски.

Отец ждал внизу. Высокий, с благородной проседью и абсолютно холодным взглядом. Весь, до кончиков начищенных ботинок, он излучал успех и богатство. А еще безнаказанность и жестокость. Иногда ей хотелось выпустить себе кровь только потому, что половина ДНК его. К счастью, на внешне-

сти это почти не отразилось. Может быть, лишь форма лба и крапинки, конечно. Крохотные пигментные пятнышки, похожие на золотые крупички. В зелени ее глаз это бы выглядело чертовски красиво, если бы каждый раз не напоминало о родстве с чудовищем.

Остановившись в нескольких шагах, Николь через «не хочу» дала себя отсканировать. От придирчивого взгляда чуть кожа не слезла. Хороша, чего смотреть так? Вокруг нее с высунутыми языками бегали, выслуживались.

– Пойдет, – наконец, вынес вердикт.

О, да это просто щедрейший комплимент! Вот только не радуется ни разу.

– Но твой наряд не полон, – добавил вдруг. – Не хватает одного аксессуара.

С языка чуть не соскочил вопрос, но тут мужчина кивнул, и двери смежной комнаты разъехались в стороны.

Пол под ногами дрогнул и качнулся из стороны в сторону.

– О, черт, – шепнула едва слышно.

В комнату протиснулись огромная фигура. Заняла собой все пространство, выбивая из груди возможность сделать новый вдох. Сердце больно кольнуло. Надежда на «придумать, как выкрутиться» обзавелась ещё одной трещиной. Хищной и опасной, будто сам дьявол.

– О, черт, – повторила, отчаянно желая, чтобы мужчина перед ней исчез. Господи, только не...

– Оборотень, – громыхнул позади отец. – Разрешаю при-

думать имя. Животное только что с конвейера.

Животное... Да, так их называли в «высшем» обществе, повернутом на чистоте крови. Никаких смесков. Даже на обычных работах элита верхушки смотрела как на мусор, а уж на оборотней...

Их вывели искусственно. Из всего многообразия ДНК с человеческим удалось срастить только волчье, и долгие годы экспериментов подарили людям чудо. Рождённое в муках бесчеловечных опытов, которые теперь не осуждает только ленивый, а тогда...

...тогда все прикрывалось благородной необходимостью. Огромный шаг в науке, качественно новый уровень жизни... А на деле все скатились в прорву дерьма под названием рабство.

Человек возомнил себя господом Богом, а когда эксперимент удался, просто испугался. Струсил, увидев, что его творение в сотню раз лучше, чем он сам. Все как один оборотни обладали отменным здоровьем, безупречной внешностью и на порядок лучшим геномом. В парах, где один из родителей оборотень, в девяносто процентов случаев рождались «волчата» – дети, способные к обороту. Пятьдесят процентов – если родство на уровне дедушка-бабушка. Дальше шанс снижался ещё больше, но и без этого ассимиляция шла полным ходом.

В итоге власти обратили пристальное внимание на «про-

блему» исчезновения людей как вида. Маятник качнулся в другую сторону. Пошла пропаганда чистоты крови, оборотней стали обвинять в зверских убийствах, насилии, терактах... Их права ужимались все больше, пока в Парламент не пропихнули закон о рабстве.

Николь сглотнула вязкую слюну. Она ненавидела это слово. Но, черт возьми, какая ирония! У пленницы личный раб...

– А он не кусается?

Пьяненькая или просто тупая девица висла на локте стоящего рядом Макса, но смотрела исключительно на Николь. Вернее – за ее спину.

Да, там было на что глянуть! Ходячая гора мышц, приправленная животной грацией. Высокий, широкоплечий красавец. Темно-пепельные волосы топорщатся злой щеткой, черты лица дадут фору античной статуе, а на бычьей шее ошейник – узкая полоска металла, сковавшая не только тело, но и волю.

Послушные живые игрушки – вот кем становились оборотни, попавшие на конвейер. Их пичкали химией и копались в мозгах, чтобы на выходе получить... это.

– Боишься, сладкая? – Макс прижал хихикнувшую девку ближе.

А сам зло так шурился и губы кривил. Бесился – папочка подарил забаву младшенькой, а он как же? Ему же тоже надо волчицу, да непростую, а с нетронутой волей. Николь

хорошо знала ублюдские вкусы брата – любителя ломать игрушки.

Конвейер делал их под заказ. Хочешь – безвольное нечто, а если нет – вот тебе свежепойманный оборотень с сохраненным сознанием и ошейником, который не даст сбежать

– С тобой нет, котик, – красотка облизнула алые губки. Да скорее бы утащила уже свою жертву в туалетную кабинку, ей богу.

Оборотень... Жёлтые глаза, как две ледышки, и полный ноль эмоций на лице. От одного взгляда коленки слабеют. Впрочем, чтобы на такого посмотреть, надо голову до хруста в шее запрокинуть. А ведь думала, что охранники у отца рослые.

– Ты охренеть как права, детка, – прорычал Макс, сжимая крутое бедро новой пассии. – Красотка моя...

Девка тихонько взвизгнула от боли, но не рыпнулась. Дурра.

Николь с тоской посмотрела в сторону выхода.

– Мне надо в уборную, – бросила торопливо и, не дожидаясь ответа, нырнула в толпу гостей.

Отец расстарался, все сливки общества собрал... От тухлого запахка сплетен и злословия стены плесенью покрылись. Ловко уворачиваясь от разговоров, она спешила прочь, чтобы передохнуть хоть минутку. И найти, наконец, чем прикрыться! Ощущение соляных взглядов растекалась по плечам мерзким студнем. Единственной удачей было то, что

ещё в начале вечера отца увел один из суперважных гостей. Только бы не с разговором по ее душу...

Вскользнув в боковой коридор, Николь с независимым видом пошла к лестнице, ведущей вниз на маленькую обзорную площадку. Ее любимое место, где можно побыть в одиночестве.

Так, стоп.

Резко обернувшись, она чуть не печаталась носом шедшего по пятам оборотня.

– Ох!

Чертовы каблуки! Взмахнув руками, Николь попыталась схватиться за воздух и... повисла.

Оборотень держал ее под мышки, как котенка! Вообще не напрягаясь, просто стоял, а она почти висела в воздухе! Обоняния коснулся терпкий аромат зверя, и легкие сами сделали судорожный вдох. О, черт... Николь удивлённо хлопнула ресницами и даже головой затрясла. Как же приятно пахнет! Без раздражающего парфюма – просто чистая кожа... Похоже на море и дерево! Крепкие нотки смолы, теплой коры и хвои. Да один только запах поймает на крючок женское внимание.

– Эм... спасибо, – дернулась в стальной хватке. – Ой!

Оборотень убрал руки, и она чуть не шлепнулась на задницу. Распахнула рот, собираясь выругаться как следует, но взгляд резанул холодный блеск ошейника. Жалость напополам со стыдом вновь распустила колючки. Проклятое раб-

ство! Сама по себе мерзкая штука, но когда отнимают волю – это не просто дно, во много раз хуже. Только человек мог додуматься до такого.

– Спасибо, – повторила тихо.

Отступив на шаг, Николь осторожно глянула на оборотня, но мужчина не смотрел в ее сторону. Застыл каменной громадиной. В простой черной майке и таких же штанах, он без оружия казался опасней всей охраны отца вместе взятой.

Вздохнув, она подошла к стоявшему у окна креслу и рухнула в него. Теперь эта громадина станет ходить за ней. Надо было догадаться, что паранойя отца только усилится с момента ее совершеннолетия. Вот теперь и личного охранника приставил, а то вдруг дочь еще что-нибудь выкинет. Николь поежилась, вспоминая свой первый и неудачный побег. Отец популярно объяснил, что так делать не стоит. Нет, не ударил – хуже. Ей потом полгода снились кошмары, и пришлось обратиться за помощью к психологу. Кажется, даже папаша понял, что переборщил.

Отвратительные картины прошлого всколыхнули затихшую тошноту. Сглотнув горечь, Николь крепко зажмурилась. Рывком запустила пальцы в идеальную прическу и больно натянула пряди. Нельзя думать, нельзя, нельзя... Все хорошо, все точно будет хорошо. Вдох-выдох...

– Ты умеешь говорить? – прошептала, чтобы хоть как-то разогнать чертову тишину.

– Да.

Гулкий баритон чуть не вышвырнул ее с кресла. Пинком выбил дурные воспоминания и мысли вообще. О, черт! До самого нутра пробрало, и, кажется, кости до сих пор резонируют.

– Эм-м-м, – пропищала, с трудом сгребая мозги в кучу. Вот это... голосище! Просто оружие массового поражения. – А-а-а... А как тебя зовут?

– Как вам будет удобно, госпожа.

Николь поморщилась.

– Не называй меня госпожой!

– Это противоречит приказу, госпожа, – парировал оборотень.

Ах да, отец наверняка заказал супер послушного охранника с отшлифованными до блеска манерами. Противно-то как!

– И что еще тебе приказали?

– Сопровождать вас, охранять, оказывать посильную помощь в повседневных делах, – пробасил монотонно.

А на лице ни один мускул не дрогнул. Идеальные черты словно застыли. Только слабенькие морщинки выдавали в мужчине наличие прошлой нормальной жизни: между широких черных бровей крохотная бороздка, и вокруг глаз едва заметные лучики – когда-то он улыбался... Или, может, раскатисто смеялся, оглушая находившихся рядом... А теперь смотрит куда-то мимо. Послушный самым унижительным приказам, но хотя бы равнодушный к ним.

Николь тяжело вздохнула.

– Как тебя звали в прошлом? Это же не противоречит приказу? – пробормотала, поднимаясь на ноги. – Не хочу давать тебе имя... Просто не хочу.

Оборотень молчал. Понятно, не входит в список обязанностей. Или просто стерли память. Хотя к этому прибегали редко – слишком тонкая работа. И можно вместо покорного раба получить безмозглую тушку, не умеющую даже задницу себе вытереть, не то что прислуживать.

Николь отвернулась к окну.

– Не буду давать тебе имя, – пробормотала едва заметно отражению в стекле. – И никакая я не госпожа.

Мимо пронесся сверкающий стоп сигналами мини-лёт – еще гости пожаловали.

Особняк отца находился в Верхнем Секторе – владениях состоятельных людей. Город давно перестали лежать в одной плоскости, обрастая ярусами и перетекая один в другой. Верх – для богатеньких мальчиков и девочек или людей с достатком выше среднего. Прилегающий к земле Средний Сектор – обслуживающий персонал, а Нижний и катакомбы – владения нищеты и оборотней. А еще – борцов с действующим режимом. Она бы охотно их поддержала, но во время неудачного побега продвинулась едва ли на треть.

Стоявший поодаль оборотень вдруг двинулся. По-военному четко развернулся в сторону главной залы, встречая названного гостя.

– Ты, маленькая дрянь! Какого хрена свалила?! Отец тебя обыскался!

Николь со стоном уперлась лбом в стекло. Макс. Передышка закончилась.

Глава 2

– Милая Николь, вы очаровательны.

Запястья коснулся легкой поцелуй, и Николь даже не пошевелилась, продолжая беззастенчиво разглядывать потенциального жениха.

Она готовилась ко всему. Старый, немощный, страшный... Но мистер Коллинз-Грин сумел не просто удивить – лишить дара речи.

Он был нормальным. Самым обыкновенным мужчиной средних лет и вполне привлекательной наружности.

Темные, почти черные глаза, характерные черты, выдающие примесь азиатской крови, подтянутая фигура и обаятельная улыбка.

– Хм-м-м, спасибо, мистер Коллинз-Грин, – выдавила из себя. Ого, у него татуировки. Из-под воротника кремовой рубашки проступала часть рисунка.

– Прошу, зовите меня Айрон, – опять улыбнулся и без напоминаний отпустил ее руку.

Манеры? Нет, ей не могло повезти так сильно. Но странно, что об этой фамилии она ничего не слышала. Хотя, если положить руку на сердце, никогда и не интересовалась золотой верхушкой общества. Отец же предпочитал не светить ее на званых вечерах. К обоюдному удовольствию.

– Хорошо, Айрон, – пролепетала, поглядывая на застыв-

шего у окна отца.

Он делал вид, что вообще ничего не происходит. Лениво прихлебывал виски и рассматривал свое любимое детище – оранжерею редких ядовитых растений. Иногда ей казалось, что цветочные кадки – единственное, к чему папаша испытывал хоть сколь-нибудь теплые чувства.

– Рад этому. И с удовольствием предложил бы вам прогуляться, но наверняка вечер вышел утомительным.

Еще бы! Лживые поздравления, сальные взгляды, страх приглянуться какому-нибудь богатому извращенцу и оборотень за спиной. Громадный желтоглазый мужик, привлекавший заинтересованные и завистливые взгляды.

Не удержавшись, она оглянулась на молчаливого охранника. До сих пор чувствуется его запах... Море и лес... свобода, которой нет у них обоих.

Рослая фигура не шевелилась. Мужчина смотрел в стену, но Николь кожей чувствовала, что он все видит.

– Да, я, кхм, устала, – с трудом отлепила взгляд от охранника.

Не привыкла к таким шумным сборищам. Ее вполне устраивали редкие вылазки по магазинам. Смешно даже – в свои восемнадцать у Николь не было ни одной подруги. О, безусловно, с ней пытались завязать общение, но в основном те, кто ниже статусом. Часто няни или горничные. Отец пресекал это незамедлительно.

Спасаясь от одиночества, Николь с головой нырнула в

книги. Особенно её зацепила тема медицины, но и тут крылья подрезали – правильная собачонка должна уметь носить брендовый ошейник, красиво подавать лапку и не лаять без разрешения хозяина. Она – будущий аксессуар для мужа, а не сестра милосердия.

Максимум, чего удалось добиться – участие в благотворительности, и только потому, что это выставляло фамилию Оржевски в выгодном свете.

– В таком случае, могу ли я надеяться на встречу чуть позже?

Разве у нее есть выбор? Николь кивнула. Может. И вроде все не так уж страшно. Пожалуй, отвращения она не испытывала, и это уже немало.

Айрон вновь улыбнулся. Отец, как по щелчку, отлип от окна и взглядом приказал ей выйти.

Николь подчинилась с удовольствием. Все, что ей нужно – теплый душ и сон. Долгий-долгий сон, где она в комнате с рисунками, а рядом мама. Николь почти ее не помнила. Только зеленые глаза и улыбка. Самая чудесная на свете.

Сердце болезненно сжалось – ей придется быть послушной девочкой. И совсем не ради себя. Но, может, этот Айрон больше похож на человека, чем отец? И позволит найти ее и хоть изредка навещать? О, это был бы самый роскошный свадебный подарок!

В огромных коридорах было, как всегда, пусто. Особняк занимал всю верхушку небоскреба и спускался вниз на це-

лых пять этажей, дальше шла перемычка в виде парка, в котором она часто гуляла с няней Грэйси, самой доброй и милой из всех. Но, как и остальные, женщина опасалась проявлять привязанность, и строго следовала правилам, установленным отцом.

Ниже жила бездетная пара Маклаунов и еще мистер Джоррд. Последний владел целой кучей содержанок, таким неофициальным гаремом. Отец гаремов не держал... его развлечения куда изощрённее.

Дорога в свою комнату давно выучена на зубок. Мнимое убежище, которое никогда не спасало, но все равно там Николь чувствовала себя спокойнее. В первые месяцы жизни тут она, как дикий зверек, отказывалась выходить, но всегда есть способ выманить ребенка. Например, прекратить давать еду.

У дверей пришлось остановиться.

– Спасибо за, хм, сопровождение, – поблагодарила оборотня.

Господи, зачем? Ему абсолютно плевать, хоть в любви признавайся. Но мозги отказывались вешать на мужчину ярлык раба. Пусть на шее блестит металл, а лицо – бездушная каменная маска –, он все равно выглядел несломленным. Как его схватили? Он же... он же цепи голыми руками рвать может! Взгляд опять примагнитило к крутым буграм плеч. Ходячее пособие по анатомии. Идеальные изгибы и впадины, рисующие заманчивую картинку для женщин всех воз-

растов.

Внутри сладко дрогнуло, стоил вспомнить, как легко удержал ее оборотень.

Девушка крепко потерла переносицу. Так, Николь, подбери слюни. Вместе с мозгами бедняге опустили в ноль либидо. Во избежание, как говорится.

– Ты можешь идти, – выразилась яснее. – Наверное, весь день на ногах.

– На меня возложены функции постоянного охранника, – пробасил оборотень. – С сегодняшнего дня я ночую с вами, госпожа.

Кутаясь в безразмерный халат, Николь смотрела на оборотня, а он... он смотрел мимо. На нее, но все равно сквозь. Жуть какая... В другой ситуации, если бы мужчина с подобной внешностью бросил на нее мимолетный взгляд, Николь хлопнулась бы в обморок от восторга, но вот эта каменная маска... Она немного пугала. А присутствие в спальне постороннего лишало аппетита.

Девушка взглянула на дымившуюся супницу.

В отличие от брата и отца, любивших посетить ресторан или какой-нибудь элитный бордель «все включено», где к бифштексу с кровью прилагалась голая официантка, Николь редко ела вне комнаты. Иногда, правда, ее заставляли играть в семью, но только с целью проконтролировать, чему ее учили и как усваивается материал. Обучение, слава богу, было

вполне обычным – в элитной школе с такими же золотыми детками, как она.

Сначала Николь дичилась знавших себе цену ребяташек. Каким-то неведомым чутьем угадывала неискренность попыток знакомства и старалась держаться особняком. Затем общение выровнялось, но крепкой дружбы ни с кем не получилось. Так, больше от безысходности. Но и это было лучше, чем последовавшее после надомное обучение. В школе хотя бы можно было перекинуться парой фраз с одноклассниками. А сейчас...

Николь повертела в пальцах серебряную ложечку.

– Ты голоден?

– Нет.

Ох, и в металлическом лязге больше эмоций, чем коротком ответе.

– Поешь со мной немножко, – хотела сказать «пожалуйста», но, подумав, добавила. – Это приказ.

И – о, чудо! – сработало. Оборотень отлепился от стены и направился к ней. А под низким военным ботинком ни скрипа, ни шороха. Николь так и зависла – ходит будто плывет... Каждое движение до дюйма отточено, ничего лишнего. Интересно, а какой у него зверь? Наверняка очень крупный. А еще Николь знала, что цвет волос определяет масть волка. Пепельный – значит, серый.

Вычурное кресло скрипнуло под тяжестью мужчины. Со всем чужеродно здесь смотрится! Как будто огромного ро-

бота-солдата запихнули в кукольный домик.

Николь шустро подвинула мужчине сразу всю супницу и, подумав, свою ложку – и то мало для таких лапищ, ему бы половник... Сама взялась за десертную – ей как раз.

– Приятного аппетита, – вздохнула тихо.

По-дурацки это выглядит. Ну, каков день, такое и завершение...

Словно в подтверждение ее мыслей дверь с шумом распахнулась, и на пороге возник Макс. Вот черт, забыла закрыть!

– Решила накормить зверушку? – кривой оскал не сулил ничего хорошего.

– Я отдыхаю, уйди, пожалуйста, – проговорила как можно сдержанней.

Ублюдок был пьян. Вроде бы держался ровно, но она хорошо выучила все повадки братца. И раньше-то примерным поведением не блистал, а последний год вообще крыша поехала. Наверняка, это одна из причин, почему отец раскошелился на оборотня-охранника, да ещё и двадцать четыре на семь.

Вместо ответа парень в несколько шагов очутился у стола.

Она моргнуть не успела – супница со звоном полетела на пол, заливая стол и оборотня горячим варевом.

– Ты охренел?! – вскочила на ноги. – Пошел вон отсюда!

– Зверушку жалко? – оскалился во всю пасть. – Животное это?! Пусть жрет с пола! Слышишь меня, скотина?! – обер-

нулся к молчавшему оборотню.

А ее прямо перетрясло. Подкинуло от обиды и ярости, взорвавшейся перед глазами алым фейерверком.

– Ты оглох, мразь конченная?! Я сказала – пошел вон! – заорала как ненормальная.

Макс опасно сощурился. Шагнул к ней неожиданно быстро и...

Николь охнула, разглядывая застывший перед носом кулак. Перевела взгляд на побледневшего Макса, а потом на оборотня, сжимавшего запястье парня. О, черт...

– Попытка нанести вред госпоже, – отчеканил мужчина. – Настаиваю исполнить ее пожелание. Я вас провожу.

И двинулся в сторону выхода. Макс заверещал от боли – руку оборотень отпустить не собирался.

– Тварь безмозглая, пусти!

Бабы визги здоровенного лба звучали райской музыкой. Николь злорадно ухмыльнулась. А вот бы его еще мордой о косяк припечатать. Со всего размаха, до кровавых соплей. И в суп тот разлитый потыкать, как нашкодившую псину. Не того он животным назвал. В зеркало бы посмотрелся – там как раз тварь первосортная!

Вышвырнув парня за порог, оборотень хлопнул дверью, да так, что по ушам ударило. Громкий звук привел в чувство.

Николь с благодарностью взглянула на своего защитника и тут же испуганно охнула.

– Твои руки!

Голые предплечья были все в красных пятнах ожога. Ему же больно!

Подскочив к мужчине, Николь схватила толстое запястье и внимательно изучила повреждения. Могут быть волдыри. Надо к врачу, но сначала приложить холодное!

– В ванную, – дернула за собой. – Это приказ, – упрямо заглянула в желтые глаза.

А зрачки-то во всю радужку! Ну, точно, ему больно!

Буквально отбуксировав оборотня за собой, она притащила его к раковине. Мужчина шел как-то неуклюже, слишком медленно. Еще и ноги обварил, что ли? Надо посмотреть.

Выхватив с держателя полотенце, она смочила его холодной водой.

– Вот так, – пробормотала, осторожно прикладывая компресс к поврежденным местам. – Ублюдок... сам он – животное... Больной на всю голову... Тебе нужно к врачу, у меня нет антисептика и био-геля.

– Повреждения незначительны, – прогудел оборотень. – Регенерация уберет следы через четверть часа.

Вот дура! Совсем забыла, что оборотни восстанавливаются в сотни раз быстрее, чем люди. А она тут во врача играет... Николь смущенно отступила, и поправила сползший на одно плечо халат. Ладно, если такое дело.

– Ты можешь... эм... привести себя в порядок, – пробормотала торопливо. – Помыть...

Шорох ткани съел остаток слова. Оборотень послушно

стянул майку, и Николь выпала из реальности, разглядывая скульптурный рельеф.

Вот. Это. Да-а-а...

Мозги превратились в теплую карамель и стекли куда-то вниз, сворачиваясь в животе щекотным золотым клубочком. О, Господь всемогущий и все его ангелы... Как вообще природа могла сотворить нечто настолько прекрасное? Плавные линии большой грудной, четкий изгиб дельтовидной, проработанный пресс, украшенный темной дорожкой, ведущей за линию пояса прямиком к... Нет, ей срочно надо прекратить пялиться. Просто развернуться и уйти... Только посмотрит еще пять секунд, или десять...

Тем временем оборотень взял полотенце и медленно провел по груди. Тугие сплетения задвигались под кожей, а Николь поймала себя на мысли, что сейчас очень хочет оказаться на месте этого чертова куска ткани.

– Л-ладно, я пошла, – промямлила, буквально через силу отступая еще на шаг. – Ты тут это... делай что нужно.

Полотенце шлепнулось на пол, а оборотень взялся за пряжку ремня. Николь пулей выскочила из ванной.

Хлопок двери спрятал нетерпеливое рычание зверя и опасный, очень пристальный взгляд.

Глава 3

Ночью она спала плохо. Сон накатывал волнами. Кажется, она куда-то бежала... Сквозь лес или переплетения труб и развалин – Николь не помнила точно. А за ней кто-то гнался. Она чувствовала жаркое дыхание и бесшумный, но все равно ощутимый топот лап. Ее догонял зверь. Рычал оглушительно громко, щёлкал зубами... Казалось, вот-вот и она грохнется на землю, а в горло вопьются клыки разъярённого хищника, но каждый раз, когда между шеей и плечом немело в ожидании укуса, Николь просыпалась. Вскакивала на кровати, вертела головой, пытаюсь разглядеть лохматую тень в сумраке комнаты, и снова соскальзывала в полудрему к поджидавшему ее оборотню. Темно-пепельному, огромному...

А на утро она проснулась с дичайшей головной болью. Скрутившись под одеялом в комочек, мечтала рассыпаться на атомы, но кто же даст ей отдыха?

– Юная мисс, ваш завтрак готов, вставайте, – горничная Люсиль была, как всегда, безжалостна. Одна из немногих старожилов, она напоминала живого робота. Фигуристая, крепенькая, с дежурной и полностью отстраненной улыбкой на скуластом лице.

– Ещё пять минут...

– Вставайте, – вежливый голос звякнул сталью. Как всегда.

Николь со вздохом подчинилась. Опять ведь нажалуется отцу, и тот для профилактики велит устраивать подъем в три ночи и запрещать спать до полуночи. Такие вот способы воспитания.

На столе дымилась ненавистная запеканка. Есть нелюбимую пищу ее тоже научили, но отнюдь не разговорами. Николь вылезла из-под одеяла и огляделась. Оборотня в комнате не было.

– А где...

– Животное на досмотре. Впредь вам запрещено сажать его за стол, – буднично сообщила Люсиль.

Сука. Лишь бы своя задница в тепле была. И разговоры с такими – пустая трата времени. Выдохнув, Николь принялась запихивать в себя запеканку. Чем быстрее мерзость окажется в желудке, тем лучше. А взгляд так и бегал по комнате. И мысли жалят маленькими злыми осами. На досмотре? Это как? Что там с ним делают? Для чего?

Когда последний кусок оказался в желудке, порхавшая по комнате Люсиль опять подала голос.

– Мистер Оржевски ждет вас в своем кабинете. Поторопитесь.

Вот черт. Когда папаша вызывает на ковер, ничем хорошим это не заканчивается. Николь лихорадочно соображала, что такого успел нагородить Макс и в каком свете выставить произошедшее. Только бы оборотня не тронули! Он ведь не причем!

Запрыгнув в джинсы и натянув рубашку с воротником под горло, она сколола волосы простой заколкой. Люсиль недовольно цокнула и вместо кроссовок выудила из обувного шкафа черные туфли на высоком каблуке. Пришлось уступить и натягивать на себя замшевые копытца.

Подгонять не было нужды – Николь пулей летела по коридорам. Идиотское воображение рисовало лежавшего на полу оборотня. Избитого, не умеющего ответить хотя бы криком. Беззащитного, как... Николь крепко зажмурилась, отгоняя оживший кошмар, и что есть силы схватилась за изогнутую дверную ручку. Отец не любил нормальных магнитных дверей. Предпочитал обстановку «под старину». Аристократ, черт его дери, недоделанный.

Толкнув тяжелую дверь, вошла в кабинет и едва успела проглотить вздох облегчения. Оборотень стоял у стены, и видимых повреждений на нем не было. Да и руки зажали... Стало как-то жарковато. Фигура у него, конечно, просто ходячий секс...

– Ты разучилась хорошим манерам? – прилетело с порога в лоб.

Папаша сел на своего любимого конька – провоцировал. Крючками слов вытаскивая из нее ярость, густо сдобренную ненавистью и страхом. Любил это. Доводил до ручки, получая изощренное удовольствие, а потом с головой окунал в дерьмо наказания. Раз за разом опускал морально, демонстрируя ее полную зависимость. Необходимость подчиняться

ему – богатому и бездушному ублюдку, что по какой-то дикой случайности стал ее отцом.

Моральное насилие немногим лучше физического, но после долгих попыток сопротивления Николь с горем пополам сумела абстрагироваться.

– Прости, отец.

Голос монотонный, взгляд – строго на переносицу. И главное – не думать, с каким удовольствием она бы воткнула вон ту брендовую перьевую ручку ему в глаз.

– Твой брат прав, животное должно есть с пола.

Животных тут два. Макс, развалившийся в угловом кресле и явно получавший от происходящего удовольствие, и сам отец. Но она смолчала. Как и много раз до этого. Господи, только бы в аду был приготовлен отдельный котел для таких сволочей! И миски с какой-нибудь тухлятиной.

– Я поняла, – шепнула на одном дыхании, чтобы голос не дрогнул.

Отец прищурился. В серых глазах мелькнуло предвкушение – ее спектаклю не верили ни на грош. Но предстоящую экзекуцию оборвала телефонная трель.

На породистом лице папаши не дрогнул ни один мускул, но Николь представляла, в какой он ярости – посмели прервать самого Бенедикта Оржевски. Секретарше придется отрабатывать всеми способами, если это она, конечно.

– Да! – рыкнул в трубку. – Соединяй, – уже спокойнее.

Надо же, важный звонок. Николь тихонько перевела дух,

и снова покосилась на безучастного оборотня. Тот вообще не подавал вида, что понимает происходящее. В какой-то мере Николь ему завидовала. Он не здесь, только оболочка, исполнительная и равнодушная.

– ... Да, разумеется. Передам. Обязательно придёт...

Острый укол взгляда заставил поежиться. О ней говорят. Не иначе, как мистер Коллинз-Грин. То есть Айрон.

Макс тоже посмотрел на нее. Глаза темные, и ухмылка с морды съехала. С чего бы? Николь не успела как следует обдумать мысль, отец попрощался и положил трубку.

– Через три дня у Айрона состоится вечер в честь дня рождения, – объявил сухо. – Ты приглашена. И в этот раз озаботься подарком лично.

Вот черт. Походы по магазинам...

– Что купить человеку, которого совсем не знаешь?

Николь с тоской смотрела на витрину. Оборотень молчал. Стоял за ее плечом, не обращая внимания на обстановку вокруг и явно заинтересованные взгляды.

Жителей Верхнего и Среднего Сектора не удивишь личным рабом. В основном, конечно, оборотни вели себя более эмоционально. И не были такими огромными... Двумикие все без исключения могли гордиться своими физическими данными, но ее охранник – это просто жемчужина какая-то. Хотя чего еще ожидать от отца? Он был повернут на "самом-самом". Только вот детки подкачали. Макса с такой же

генетической поломкой, как папаша – уже полностью бесплоден, а она... Иногда Николь мечтала, чтобы у Бенедикта Оржевски было семеро по лавкам. Тогда, возможно, их с матерью оставили бы в покое. Или прикопали в Нижнем Секторе... Отец мог. И практиковал.

– Что подарить... – повторила задумчиво. – Что бы ты подарил?

Оборотень не ответил ей, конечно. Но, неожиданно, разговаривать с ним оказалось интересно. Совсем одичала – мерещилось, что ее слушают.

– Ты бы подарил нож в спину, – вздохнула тихонько. – Как тебя такого только поймать умудрились... Наверное, весь отряд ловцов полег.

Рабы имели свойство заканчиваться, а оборотни не горели желанием обзаводиться ошейником. Любого из них могли обвинить в какой-нибудь ерунде и отправить на конвейер. И если раньше суды хоть сколько-нибудь защищали права двуликих, то со временем бедняг загнали в самые трущобы.

Верхушку, естественно, такое положение дел не устроило. А как же бесплатные охранники? Прислуга? Секс-кукла, в конце концов. В бордели охотно принимали роскошных и непокорных волчиц, да и мужчинами не брезговали.

Отряды ловцов – а на деле обычные поставщики живого товара – занимались как раз поиском «преступников».

– Хорошо бы, чтобы весь отряд... а лучше два, – пробормотала себе под нос. – Отбитки конченые. У меня один из

одноклассников с ними прошвырнуться любил. Самый тупой и злощий... Так, тут ничего нет интересного. Давай передохнем, а? От этого модного изобилия у меня скоро начнется рвота блестками.

– Госпожа желает поесть? – осведомился оборотень.

Николь поморщилась.

– Госпожа желает не быть госпожой. Нет, не есть, просто тихое местечко... Где-то тут был парк.

Верхний Сектор пестрел ботаническими садами, бассейнами и прочими прелестями. Дикой природы сохранилось не то чтобы мало, но площади ее значительно уменьшились. В какой-то момент до золотой верхушки дошло, что деваться с планеты Земля пока некуда, и вслед за этим последовал эко-бум.

Мусор максимально перерабатывался, в лабораториях создавали новые разлагаемые без вреда для природы материалы, города стали расти вверх и вниз. И все равно этого было недостаточно. Ученые снова обратили свои взоры на небо, и даже солидно продвинулись в создании двигателя, способного донести человека до новых звезд. Это было бы чудесно... Если бы не гнилая человеческая привычка подчинять тех, кто слабее или меньше количеством. Как оборотни, например.

Николь доковыляла до первого подходящего диванчика и упала на сидушку. Оборотень встал рядом.

– Сядь, пожалуйста, – потеряла переносицу. – Солнце за-

гораживаешь.

Ерунда, конечно. Настоящее солнце тут заменяла искусная видео-имитация голубого неба и облачков-барашков. Оборотень сел, а Николь померещился жалобный скрип скамейки.

– Подарю носки, – прошипела недовольно. – Универсальный мужской подарок...

Плазма над головой вещала о последних новостях в мире. Скандал с очередной звездой, проблемы с поставками продовольствия в новый арктический Купол – люди стали селиться и там. Ворох новостей о космических программах и достижениях...

Взгляд бессмысленно блуждал по торговому центру, пестрящему модными бутиками и роскошью. Все ещё непривычной. Чужой, потому что предложенной насильно. И свободы у нее немногим больше чем у оборотня, сидевшего рядом. Только вместо ошейника – платиновые цепочки.

– Ба, какие люди!

От неожиданности она вздрогнула. А спустя мгновение уже стояла на ногах и даже не пыталась скрыть широкой улыбки.

– Клэрис! Это ты?!

Сколько времени прошло, а все такая же. Роскошная грива чистого золота и длиннющие ноги. Шикарная фигура приправлена мозгами и как вишенка на торте – острым язычком. Одна из немногих нормальных в школе. И, конечно, не го-

дившаяся в друзья юной мисс Оржевски, ведь родители Клэрис – всего лишь бизнесмены средней руки.

Николь часто думала, что они могли бы стать подругами, но судьба в лице папаши распорядилась иначе – развела их по разные стороны.

Клэрис хитро прищурилась.

– Нет, малышка, у тебя галлюцинации. О, – демонстративно заглянула за спину, – личная охрана... – в сладком голоске звякнуло отвращение – Клэрис тоже не признавала рабства. Поэтому и пошла учиться на юриста.

Николь восхищалась этой бойкой и яркой девушкой и отчаянно желала, чтобы один оказался в поле воином.

– Отец, – прошипела только одно слово, и Клэрис понимающе кивнула.

Она успела на своей шкуре убедиться в сволочизме Бенедикта Оржевски. Когда рискнула проигнорировать намек на то, что лучше найти в школе другую подружку по играм.

К счастью, кроме бизнеса ее родителей, никто не пострадал. Или у отца было хорошее настроение, или просто везение. Скорее всего – последнее.

– Да уж, расстарался, – скривила пухлые губки Клэрис. – Такого хоть в охрану, хоть в постель...

И вроде безобидная фразочка, а цапнуло что-то. И перед глазами сразу Клэрис в огромных руках оборотня. Вот черт!

Николь раздражённо дёрнула плечом, злясь на себя и дурные мысли.

– А ты что тут делаешь? – перевела тему. Клэрис вроде бы не любила всякие шопинги, предпочитая заказы через Сеть. Ответить ей не успели.

– ...А теперь новости политики, – проворковала неестественно улыбочивая ведущая. – Через месяц Верховный Парламент будет рассматривать закон о предоставлении двуликим права на социальные льготы и дополнительную судебную защиту с целью ограждения личности от потери свобод и прав.

– Свобод и прав! – ядовито выплюнула Клэрис. – Вот как они теперь называют рабство! Чёртовы лицемеры. Каждый год одно и то же. Защита, льготы... а дело все хуже! Не система, а куча дерьма.

И это было чертовски верно.

– Парламент не пропустит, – покачала головой. – Им это невыгодно.

– Невыгодно – это слабо сказано, – фыркнула Клэрис. – Ходят слухи об новых разработках в крионике. Угадай, кого используют для экспериментов?

– Вот убудки! – с чувством поддержала Николь.

И, будто подслушав их разговор, ведущая выкатила следующую новость:

– Учредитель и один из ведущих специалистов компании «Крио-Тоник», мистер Коллинз-Грин готовится анонсировать новые данные по разработке криокапсул. По его словам, компания совершила настоящий прорыв...

– А вот и главный ублюдок, – хмыкнула Клэрис. – Эй, Николь, ты чего?

Облизнув пересохшие губы, Николь медленно опустилась обратно на скамейку. В груди разбухал острый ком тошнотворной слабости. Вот, значит, кому она тут подарок ищет... Хренову доктору Менгеле.

Перед глазами замелькали темные мушки, и, чтобы не упасть в обморок, она тяжело привалилась к сидевшему рядом оборотню. Мужчина вдруг шевельнулся, и на талию легла обжигающе-горячая ладонь.

Глава 4

– Рад видеть вас, Николь.

Мистер Коллинз-Грин скалился во все тридцать два. Обворожительно и мерзко. А она дышала через раз. Смотрела на купившего ее уroda и отчаянно жалела, что не досталась какой-нибудь обычной богатой заднице, замешанной разве что в разборках по бизнесу.

Но нет, в жизни не бывает просто. Шестилетний ребенок помнит достаточно, чтобы не признать расчетливого ублюдка отцом, а расчетливый ублюдок запоминает каждую попытку сопротивления со стороны ребенка. Заботливо собирает, откладывает в памяти, а потом окунает в такое дерьмо, что в пору удавиться.

– Здравствуйте, Айрон.

Голос звучал ровно. Не дрожал, не ломался... И жизни в нем никакой. От папаши сквозило недовольство – всей кожей чувствуется. Но мистер Коллинз-Грин и бровью не повел. Сухощавый, в серо-стальном костюме и дежурной улыбкой на морде, он напоминал ей скальпель, разделивший жизнь на до и после.

– Могу ли я предложить вам осмотреть мое скромное жилище?

Да, скромное... Особняк немногим меньше отцовского. Только, в отличие от папаши, мистер Коллинз-Грин тяготел

к новейшим научным разработкам и стилю хай-тек. В операционной и то уютнее.

– Да, конечно.

Отказываться не вариант. Несколько дней она находилась в каком-то отупении. Мозги словно приморозило к черепу, и порой ей казалось, что ножом по венам – вполне себе неплохой выход, но чертов инстинкт самосохранения не давал сделать последний шаг. А вдруг появится шанс избежать брака? Да и оборотень как будто приклеился... Ходил за ней по пятам, не давая остаться одной больше, чем на пять минут. Охранял, чтоб его.

Мужчина галантно предложил ей локоть.

Невыносимо сильно хотелось обернуться и приказать обратно остаться здесь. Или бежать подальше. Но это глупо. Разве можно навредить обломку личности? Тем более за который уплачены баснословные деньги.

Послав подальше брезгливость, она подала руку. По непривычно-обнаженной спине продрал озноб.

– Ваш отец говорил, что вы тяготеете к медицинской тематике, – начал разговор.

Вот черт... конечно, ее успели сдать с потрохами. Странно было бы, если бы подноготную дочурки не перетряхнули от и до.

– Немного.

– Да вы скромница. Курс онлайн-лекций от Оксфордского университета – это не просто медицинский сериал...

Пустой треп. Только чтобы сделать видимость увлеченной разговором пары – вокруг прорва репортеров, наверняка утренние новости будут пестреть заголовками о новой пассивности Коллинза-Грина. Вот Клэрис удивится.

Перед носом очутилась дверь.

– Жди здесь, – вдруг бросил мужчина оборотню.

Николь вздрогнула. Как животному место указал. А заодно ее без защиты оставил... Под ложечкой противно екнуло. Он ведь может что угодно сделать. И никто не придет на помощь.

– В мои обязанности входит охрана госпожи, – вдруг зартачился оборотень.

Стыдно, но она обрадовалась. Сама чуть не бросилась за спину охранника, который за несколько дней вдруг стал неотъемлемой частью жизни.

Кажется, такой поворот озадачил Коллинза-Грина. Мужчина нахмурился, пристально разглядывая застывшего напротив оборотня.

– Интересно... – потёр подбородок. – Отказ в подчинении?

– Я подчиняюсь только господину Оржевски и членам его семьи, – снова отбил оборотень.

– Да, пожалуй... Попрошу Бенедикта исправить эту досадную оплошность.

Это была угроза. Она слышала острые нотки в нарочито спокойном тоне. И совсем не знала, что творится в большой

голове «жениха».

– Подожди меня тут, – произнесла как можно спокойнее.

Смешно переживать о наказании того, кого оно не пугает. И можно было бы встать в позу, но через минуту сюда бы явился отец и лично отдал приказ оставаться на месте. А потом неизвестно как отыгрался, и не только на ней.

Жёлтые глаза очень странно сверкнули. А может, это у нее в голове коротит от страха? Двери разъехались в стороны, предлагая нырнуть в неизвестность. А ее дырявый спасательный круг остался подпирать стенку.

Струи горячего душа хлестали по спине, но ее все равно трясло. Било мелким ознобом и выворачивали наизнанку сухой тошнотой.

Нет, ублюдок ее не изнасиловал. Даже пальцем не тронул. Он просто устроил ей экскурсию в филиал Ада, то есть в свою лабораторию.

– Вам понравится, дорогая, – звенело сталью в подкорке. – Вы первая увидите достижения «Крио-Тоник».

О да, она увидела. Истыканных трубками детей, распятых на операционных столах... А еще все понимающие глаза мерзавца, которые точно знал, что это станет ей поперек горла.

– Детеныши чрезвычайно живучи. Их показатели не уступают взрослым особям, а обменные процессы позволяют быстрее получить результат.

Николь сама не знала, как выдержала. Как смогла смотреть на весь этот ужас, вместо того чтобы с истерическим воем забиться в угол и потерять там сознание.

Отец подобрал ей действительно «самого-самого». Такого же мерзкого ублюдка, как он сам.

Николь облизывала губы, глотая стекавшие по лицу капли. А в горле все равно сухо. Но работа психолога тоже была на уровне, теперь она знала, за какие ниточки тянуть, чтобы не упасть в бесконтрольный припадок.

Вдох-выдох. Все будет хорошо... Глупейшая фраза. Ни черта не хорошо, но почему-то успокаивало. Давало хрупкую надежду на то, что у бездны все-таки есть дно. А потом можно будет оттолкнуться что есть сил и выплыть на поверхность.

Клубы пара заполнили ванную, и температура наверняка зашкаливала, но кусок льда внутри никак не желал таять. Надо еще прибавить... Николь потянулась к вентилю, но голову вдруг повело.

Золотой узор плитки прыгнул перед глазами, а под ногами стало пусто. Тело инстинктивно бросило вперед в попытке ухватиться за что-нибудь. Раздался грохот упавшей полки, а потом бок и бедро обожгло ударом.

Взвизг от боли она не успела – пол резко ушел вниз. Перед глазами очутилось знакомое лицо.

– Госпоже больно? – глухо зарычал оборотень, а она пикнуть не сумела – в желтизне мужских глаз разгорались золо-

тые искры.

Не дожидаясь ответа, оборотень в два счета очутился у стены и сдернул с крючка полотенце. Закрутил, как рогалик, и снова прижал к себе. Жаркое дыхание опалило лоб и скулу. Твердокаменная грудь раздулась в глубоком вдохе, и Николь замерла, не разрешая себе даже думать о том, что оборотень еще способен чувствовать. Невозможно! Только не после конвейера!

– Вас нужно осмотреть. Чую кровь.

Монотонный рокот обрушился на голову ледяной водой. Дура! Конечно, ее нюхали, но только для того чтобы определить повреждения.

– Я сама, – дернулась в стальных ручищах. Бесполезно. Мужчина держал крепко, но очень бережно. А бок и бедро уже наливались пульсирующей болью.

– Возможен перелом, нужен осмотр специалиста, – отчеканил, не обращая внимания на потуги проявить самостоятельность.

От распиравшей на всех и вся злости хотелось припечатать крутое плечо кулаком. Чертова двухметровая насадка! Николь пытала и сопела, пытаясь освободить руку, но оборотень успел донести ее до кровати.

Очень бережно опустил на матрас, застыл на минутку, будто что-то соображая, и вдруг схватился за край полотенца.

– Ты охренел? – взвизгнула, когда ткань осторожно потя-

нули с явным намерением избавить совсем.

– Надо осмотреть повреждения.

Осмотреть?! Да у нее под полотенцем нет ничего! В лицо бросилась густая волна жара. Вскипятила кровь и забила мышцы теплой слабостью, лишая возможности сопротивляться. Оборотень увидит ее голой... Вместо отвращения внизу живота свернулся щекотный комочек, перебивая ощущение стылой гадости.

– Не надо осматривать, – проямлила, отпихивая наглые руки. – Я... я в порядке.

Вранье. Боль никуда не делась, но рядом терся двухметровый, пышущий животной силой анестетик. Как пушинку ее нес! И сейчас мог бы с легкостью вытряхнуть из полотенца, но вместо этого подчинился. Медленно поднялся во весь рост и пошел к кнопке видеосвязи. Широкие плечи развернуты, спина прямая, как палка.

Николь тихонько выдохнула и попыталась отогнать легкое разочарование. Ну а чего хотела-то? Для него слово «нет» имеет строго один смысл. И хватит пускать слюни на роскошную мордашку. Мало насмотрелась их в школе? Над одноклассниками и ней самой трудилась целая орда жрецов красоты. Николь точно знала, что ей носить, как красится и о чем говорить, чтобы подчеркнуть свои достоинства и скрыть недостатки. Но оборотню этот суррогат был на хрен не нужен. Весь его образ – чертово золотое сечение во плоти. От линии темно-пепельных волос до узора вен на жилистых ру-

ках. Животная грация и сила в каждом движении. Идеал, созданный человеком, и им же разрушенный. Потому что рядом с таким любой почувствует себя немощным уродцем.

А Человек – он же не любит быть хуже. Он же, мать его, вершина. Эталон! Паршивенький такой...

– Госпожа Оржевски нуждается в медицинской помощи, – оповестил оборотень охрану. – Сильный ушиб, возможно – перелом.

Николь поморщилась и отвернула голову к стенке. Сейчас тут будет куча народа. Но хотя бы несколько спокойных дней ей обеспечены. И оборотень рядом... Внутри пискнул робкий восторг. Пусть мужчина всего лишь выполнял надиктованные ему приказы, но, черт возьми, это самая искренняя забота, которую она получала за все время пребывания в особняке.

Шелест страниц разгонял сонную тишину комнаты. Николь любила книги. Настоящие, с обложкой и множеством листов, а не просто буквы на планшете.

В них жила душа. Приятно провести пальцем по гладкой бумаге или попробовать на твердость уголок. И есть что-то особенное в их форме, словно дверка, за которой прячутся бесконечные миры. Откроешь – и вот тебе бездонный колодец фантазий.

С трудом оторвавшись от последних строк, Николь захлопнула книгу.

– Мне всегда хотелось попробовать это вино из одуванчиков, – призналась оборотню. – Вкусно, наверное. Только я даже настоящего не пила ни разу...

Оборотень как обычно молчал, но смотрел на нее. После неудачной попытки свернуть себе шею мужчина в прямом смысле не спускал с нее глаз. Первый день это нервировало. Николь мерещилось, что в глубине желтой радужки полыхает огонь. Одно неверное движение – и лед равнодушия треснет, освобождая рвущийся на волю пожар. От этой мысли начинала кружиться голова, и ощущение такое – будто смотришь с огромной высоты вниз. Страшно до чертиков, мозги вопят развернуться и бежать, а в спину так и толкает... Тянет сделать крохотный шаг и сорваться вниз, падая в бесконечность.

Не выдержав, Николь отвернулась. Тяжелый взгляд. Так и давит, к земле гнет. И вроде бы ничего ей оборотень сделать не может, но после таких гляделок в животе каждый раз щекочет тонким перышком.

– А ты пил вино? – пробормотала, подтягиваясь на постели. – Наверняка пил...

Падение оказалось неудачным – она умудрилась заработать трещину бедренной кости. Синяк на пол ноги уже поблек, все-таки био-гель – очень эффективная штука, а вот с остальным пришлось поработать.

Отец, предполагаемо, был недоволен. Просканировал серо-стальным взглядом, без единого звука сообщая о том, ка-

кое она косорукое убожество. Но даже за все деньги мира он не смог бы заставить организм восстанавливаться быстрее.

Николь наслаждалась этим. Тихонько радовалась недельной передышке и одиночеству. Оборотень на порог не пустил Макса, который сунулся проведать больную сестренку. Она не сомневалась, что братишка притащился с очередной гадостью, замаскированной благовидным предлогом. Только не учел, что теперь в комнате появился ходячий знак «стоп».

– Госпожа отдыхает, – повторял, как робот, на цветистую брань Макса.

К счастью, дальше словесной атаки не пошло, и через некоторое время слух опять ласкала тишина. И даже Коллинз-Грин не давал о себе знать. Прислал только букет и записку. Николь нарочно засунула веник в самый дальний угол, а кусочек картона выбросила в мусорку. Плевать, что там было написано. Ее обрадовало бы разве что извещение о мучительной смерти ублюдка.

Девушка отбросила в сторону плед и осторожно спустила ноги на пол.

– Рекомендую остаться в постели, госпожа, – тут же оживился оборотень.

Вот ведь! Как ремнями еще не привязал? Хотя... наверняка привязал бы, получив приказ от папаши.

– Тогда Люсиль придется менять простыни и матрас, – проворчала, пробуя встать прямо.

На периферии зрения скользнула огромная тень, и Ни-

коль охнула, цепляясь за широкие плечи. Мужчина, как и много раз до этого, подхватил ее на руки.

– Я тебе что, кег пива, что ты меня таскаешь туда-сюда?

Опять молчание. Да уж, приказ есть приказ – недопустимо, чтобы она доломала несчастную кость, и тем самым подставила бедного папочку.

– Вообще-то я никогда не падала в обмороки, – заявила, стараясь не глядеть на ошейник. Он портил весь момент, напоминая, что мужчина поступает так не по своей воле. – Просто перегрелась. Переборщила с горячей водой...

Молчание.

– ...а вообще я очень ловкая, да! И гибкая! Я гимнастикой занималась. Точнее, меня заставили ею заниматься... Ох!

Оборотень поставил ее перед дверью в уборную.

– Мог бы и до унитаза дотащить, – пробурчала Николь. – Нет! – отшатнулась, когда мужчина качнулся в ее сторону. – Я пошутила. Не надо! Обещаю не расквасить себе нос.

Опять молчаливый взгляд. Хмурый такой, недовольный... словно он был бы и не против, чтобы она хорошенько приложилась о край «белого друга» и желательно с летальным исходом. Николь моргнула, стряхивая с ресниц навязание. Фантазия приплетала оборотню эмоции, вот и мерещилась всякая чушь.

– И отойди от двери, будь добр! Госпожа желает уединиться! – крикнула нарочно капризно.

Несмотря на то, что рядом с ней обитал по сути био-ро-

бот, знать, что он греет под дверью ушки, было как-то некомфортно. У оборотней очень хороший слух. И зрение... Даже в темноте видеть могут. Ох, хорошо, что он спит в смежной комнате. Рабочие быстро оформили коморку для ее нового охранника. Хотя она иногда просыпалась от ощущения присутствия рядом. И в последнее время все чаще.

Это нервы. За все время пребывания в особняке Николь научилась радоваться мелочам, но ни на секунду не забывала о своем шатком положении. Покой – всего лишь мираж, краткий отдых перед новой встряской.

И она не заставила себя долго ждать.

Стоило выйти – как ее навывлет пробило серо-стальной пулей взгляда. Отец стоял посреди комнаты, как обычно, заложив руки за спину и чуть склонив голову.

– Надеюсь, ты хорошо отдохнула, – хмыкнул он. – Завтра начнется подготовка к помолвке. Твой будущий муж, мистер Коллинз-Грин, больше не желает медлить.

Глава 5

Опять вокруг суета. Приторная сладость комплиментов и шелест дорогих тканей, звон драгоценностей и лживого восхищения.

Пять дней пролетели как в тумане. Особняк вдруг наполнился кучей народа, но хуже всего – сюда заявился сам же-них.

Она видела эту мразь каждый день за ужином, больше напоминавшим смесь поминок и бизнес-совещания. Полным ходом шло обсуждение слияний компании, а Николь пыталась проглотить очередной кулинарный шедевр и перестать чувствовать себя вещью. Супер клеем, который к тому же способен наплодить наследников.

Николь глянула на свой пока еще плоский живот. Она запрещала себе касаться темы детей. Может, потому что знала – матерью ее сделают не спрашивая. Да, прятала голову в песок, предпочитая не думать о плохом, пока оно не случилось. Но сколько ни отворачивайся, будущее рано или поздно превратится в настоящее.

– Еще минутку терпения, – проворковал стилист. Тот самый, что готовил ее к дню рождения, а на деле – обыкновенным торгам. – Вот так.

Волосы украсила кокетливая заколка с вуалью, завершая образ будущей невесты.

Сегодня день икс.

В самом роскошном ресторане Верхнего Нью-Йорка, и гостей приглашено немеряно. Николь нарочно не смотрела новостные каналы – и так знала, что об этом событии трубят день и ночь.

На почту писала Клэрис. За сухими строчками поздравления Николь видела искреннее сочувствие. Жалость и просьбу быть сильной. А ничего другого и не оставалось. Надо собрать в кулак жалкие крохи гордости и смелости. Заставить думать себя не как жертва. Не разрешать себе скулить и гнуться под прихоти богатых ублюдков. Пусть они сильнее, пусть держат ее на коротком поводке, но это пока. Она сумеет выждать, но если только представится шанс...

– Ну что, маленькая Ники, можно тебя поздравить?

Дежавю. Опять Макс и опять злой, как черт. А она в таком же открытом платье, только цвет сменился с черного на слоновую кость, и асимметричный подол чуть больше прикрывает задницу.

Ах, ну и бутоньерка на руке, конечно. Крохотные белоснежные розочки искрившиеся бриллиантовой росой. Не вычурно, и безумно дорого.

Не дождавшись ответа, братец нагло прошелся по комнате, будто невзначай разглядывая кучу поздравительных букетов. Она не любила срезанные цветы, но все вокруг было ими завалено.

– Мы еще не закончили, – робко пискнул стилист.

Время выхода поджимало.

– Закрой пасть.

Мужчина послушно заткнулся, а Макс остановился у неподвижного, как столб, оборотня.

– Что, промыли мозги твоей зверушке? Поджали винтики?

Наверное. После того как отец лично объявил о дне помолвки, оборотня увели для очередных «процедур». И если можно было сделать равнодушное ко всему существо еще бездушнее, то спецы папаши в этом преуспели.

Мужчина вел себя совсем заторможено. Иногда зависал и не отзывался на оклик, но двигался будто бы еще резче и быстрее. Господи, почему людей нельзя отправить на конвейер? Процедуры выдерживали только бедные оборотни. А она бы запихнула туда нескольких личностей – рука бы не дрогнула. Оставила бы только понимание происходящего, чтобы «наслаждались» всеми прелестями тихой пытки.

– Животное, – Макс брезгливо осматривал неподвижного оборотня. – Тупорылая тварь...

– Убирайся, – не выдержала Николь. – Или я позову отца.

Братишка так и подобрался. В несколько шагов очутился рядом и под испуганный возглас стилиста схватил ее под локоть. В нос ударил смрад дорогого одеколona.

– Скоро папочка сделает тебе ручкой, – оскалился так, что жутко стало. – Ты ему нахрен не сдалась, только глаза мозолишь. У него большие планы на внука, сестренка. Так что уж

настарайся с муженьком на сына – отец ждать не любит.

Николь дернулась, пытаясь выиграть себе хоть полфута дистанции.

– Ты что мелешь, больной?!

Но железные тиски на локте сжались крепче. Не выдержав, Николь бросила взгляд на оборотня, но тот даже не шелохнулся. Как будто ничего не происходило!

– Отец заберет ребенка себе, – ухмыльнулся Макс, сам ее отпуская. – Вот такой договор. Поздравляю.

И, потеряв к ней всякий интерес, парень направился к выходу.

Николь с силой сжала пальцы, пытаясь заглушить невыносимое чувство омерзения. Чертов ублюдок... Все они – сборище уродов, повернутых на собственных изощренных амбициях. Нет, она не удивлена. Отец грезил идеальным наследником, вот и нашел выход. Макс бесполезный, но условно любимый сын, а вот дочурку не по стандарту можно и на амбразуры.

– Надо поправить платье, госпожа Оржевски, – пропищал очнувшийся стилист.

Николь кивнула – пусть делает, что приказано. Ее даже оборотень не защитил...

– Вот тебе и личная охрана, – посмотрела на равнодушного к ее страданиям мужчину. – Предатель.

Разумеется, ей ответили молчанием. Стилист быстро закончил свою работу, и, будто по заказу, на столе высветилось

видеосообщение.

– Спускайся. Машина ждет, – приказал отец и отключился.

Под ложечкой противно екнуло, а во рту усилился тошнотворный привкус. Пришло время "добровольно" сунуть голову в петлю.

– Мистер Коллинз-Грин, прокомментируйте, пожалуйста, ваше решение. Самый завидный жених и убежденный холостяк вдруг решил остепениться...

Репортерша кокетливо хлопала ресницами, бомбардируя «завидного» жениха откровенными взглядами, но больше чем дежурной улыбки и обтекаемых фраз, добиться не могла.

– Думаю, любой бы пересмотрел свои привычки, встретив столь чудесную девушку, – сахарно вещал ублюдок, для пущего эффекта приобнимая Николь за талию.

Господи, ну и фарс! Ложь от первого и до последнего слова, и все вокруг тоже ненастоящее. Фальшивая имитация праздника, где за белоснежной зановесочкой благочестия прячутся семь грехов.

Репортерша чуть скривила напомаженные губки – никак не найти зернышко для сенсации. Даже низкое декольте не помогает – мистер Коллинз-Грин ни разу не опустил взгляд. Просто ангел какой-то непорочный. Ангел смерти.

– А ваша милая спутница уделит мне минутку? – попро-

бовала зайти с тыла.

Николь встретила атаку дежурной улыбкой.

– Вряд ли я смогу чем-то вас удивить.

Вынужденная затворница, которую растили на продажу, как скотину. Подсовывали правильных подруг, фильтровали общение в Сети, контролировали прогулки. И если труженице новостей нужно грязное бельишко – за этим лучше обратиться к Максусу. Вот где поле непаханое. Хотя сегодня его что-то не видно. С самого прибытия в ресторан парень затерялся между гостей и сейчас наверняка тискает в углу очередную куколку.

Пытка интервью продолжалась минут десять. Каждый второй вопрос прятал за сладкой приманкой острый крючок. Попробуй сказать не подумав – и живо окажешься на первой полосе билборда под каким-нибудь интригующим заголовком.

Но Николь знала, как обойти ловушки. Репортерша кисла на глазах, понимая, что проигрывает. И невдомек ведь – с каким бы удовольствием «счастливая» невеста свалила отсюда, прихватив заодно молчаливого охранника.

Взгляд своевольно пополз в сторону, где остановился мужчина. На полголовы выше самого рослого охранника, он притягивал к себе внимание, и не только женское.

– А что вы скажете по поводу послаблений в законах касательно оборотней? – тут же подловила ее репортерша. – Так и до предоставления равных прав недалеко.

Злость толкнула под дых, на короткое мгновение перекрывая воздух. Вот сука! И улыбочка такая приторная, невинная... стереть бы ее несколькими хлесткими фразами, но...

– Боюсь, я не сильна в вопросах политики. Да и сейчас чувствую себя так, м-м-м, взволнованно.

Короткий взгляд на жениха и снова на репортершу. Женщина чуть прищурилась, явно недовольная ответом, но отступила.

– Спасибо за оказанное мне время, – бросила вежливо, но сухо. – Надеюсь на еще одну беседу сегодня.

Не дай бог.

Как только репортерша потеряла к ним интерес, Николь посторонилась, пытаясь стряхнуть с бедра ладонь Коллинза-Грина.

– Куда же ты, милая? – хмыкнул мужчина. – Тебя не радует праздник?

Засунул бы он себе этот праздник в задницу. Заодно с безвкусной бриллиантовой гайкой, которую нацепил ей на палец.

Николь взглянула на мужчину. Ублюдок прекрасно знал ее отношение к происходящему. И в темных глазах садистское предвкушение, которое даже не считают нужным скрывать.

– Меня не радует полный мочевого пузырь, – оскалилась в ответ. – Могу прямо сейчас дать повод для интереснейших

новостей.

Рука с бедра пропала.

– У тебя десять минут, – отчеканил сухо. – Давай припудри носик.

Мысленно пожелав мерзавцу сдохнуть самой мучительной смертью, Николь кивнула и направилась в сторону уборной.

Комнатки располагались за банкетным залом, и чтобы туда добраться пришлось пересечь его по диагонали. Но в конце маршрута ее ждал неожиданно приятный сюрприз – уборная оказалась битком.

– Счастье-то какое, – пробормотала, закрывая дверь. – Праздник радостный. Будем искать местечко свободнее. Кажется, было этажом выше, где VIP-зона...

Оборотню было все равно. А ей просто хотелось удрать хоть на полчаса, и вдруг подвернулся случай. И она им воспользуется. Пошли все к черту. На секунду, но ей необходимо выпасть из реальности. Притвориться перед собой, что все происходящее – один затянувшийся кошмар.

Секюрити без вопросов пропустили к лестнице наверх, в царство сумрака, стилия и мягких диванов. Весь вечер был выкуплен, мимо стадами гарцевали важные шишки и их спутницы. В одной из кабинок какой-то ушлепок откровенно тискал рабыню, не обращая внимания на то, что дверь открыта. Волчица не сопротивлялась, но ее глаза... Николь со стыдом отвернулась. Злость и бессилие кипели на язы-

ке кровью из прикушенной губы. Женщина все понимала. И вынуждена была терпеть. Подчиняться прихотям хозяина, послушно раздвигать ноги, когда скажут и перед кем. Господи, какая мерзость...

Николь ускорила шаг. Наплевав на каблуки, пулей выскочила в небольшой коридор-перемычку и, убедившись, что никого нет, тяжело привалилась к стене.

– Мерзость, – повторила едва слышно.

И ее ждет тоже самое. Закрывать рот на замок и терпеть, выгорая изнутри от беспомощной ярости. Больной на голову садист станет ее первым. Первым во всем, включая объятья и поцелуи. Как же тошно! От одной мысли об этом наизнанку выворачивает. Трясет в мелком ознобе, запуская по венам ядовито-ледяной студень.

Паника подкатывала волнами тошноты. Психологи хорошо поработали с ее травмой, но не смогли убрать полностью. Внутри нарастал разлом. Соппротивление и страх драли легкие острыми когтями, мешая вздохнуть как следует.

Взгляд хаотично метался по стенам. Цеплялся за бархатные портьеры, заменившие двери, скользил по мягким диванчикам. А рядом оборотень... В чертовом железном ошейнике.

Губы пересохли.

– Подойди. Это приказ.

Мужчина сделала шаг вперед быстрее, чем последний звук растаял в воздухе.

– Еще.

Теперь он стоял вплотную. Огромный, пышущий жаром и послушный ее власти. Аромат хвойного леса и моря кружил голову. Она пила его мелкими глотками как безумно дорогое и самое вкусное вино. В сумраке коридора желтая радужка глаз тускло сияла, не давая забыть о звере внутри человека. Николь так и не увидела его волка, а еще ни разу не целовалась.

Рука легла на широкую грудь, и мышцы под ее ладонью дрогнули. Оборотень вздохнул. Глубоко и бесшумно.

Под коленками слабело от предвкушения и упоительного ощущения неповиновения. Тут слепая зона. Нет камер, и никто не узнает...

– Наклонись.

Мужчина вздрогнул. Напрягся всем телом, будто хищник, готовый атаковать.

– Наклонись, это приказ, – повторила с нажимом, и оборотень исполнил.

Лицо обдал жар мужского дыхания. Проклятье, какие у него красивые губы... Вычерченное твердыми линиями совершенство, идеальное вплоть до последнего изгиба.

И плевать, что первый поцелуй будет таким. Просто касание, как бы ни хотелось обратного. Во рту опять пересохло. Сердце билось тяжело и гулко, наполняя кровь тягучим медом предвкушения.

Каблуки были достаточно большими, но все равно при-

шлось встать на носочки, потянуться всем телом вверх, чтобы закинуть руки на мощную шею оборотня.

Холод метала обжог кожу, и Николь тихонько зашипела от злости. Чертов ошейник! Дрянь, без которой могло бы быть все иначе! Для него – точно.

– Жаль, что я не знаю твое имя, – пробормотала, еще раз внимательно заглядывая в желтые глаза. Радужка переливалась золотом. Странно... А впрочем, плевать.

Николь подалась вперед. Повела ладонями вверх, наслаждаясь твердостью напряженных мышц, и запустила пальцы в пепельные пряди. Да, сейчас!

– Ах ты малолетняя сука!

Ненавистный с детства голос отшвырнул ее от оборотня. Макс! Не успела рта открыть – ударом в грудь ее припечатало к стенке.

На горле сжалась удавка мужских пальцев, и Николь засипела, бесполезно дергаясь в попытках сделать вдох.

– Решила полизаться с животным?! – выдохнул ей в лицо перегаром и сигаретами. – Нормальные мужики не возбуждают?!

Она пыталась ударить. Отчаянно извивалась и драла ногтями мужскую руку, но парень будто не чувствовал боли. Прижимал ее сильнее, а глаза бешеные просто!

– Пусти, – прохрипела, но Макс ответил оскалом.

И вдруг сжал ее грудь. Всей горстью, грубо и больно. Николь задохнулась от омерзения. Он же... он ее брат! Желу-

док спазмировал в приступе тошноты. Вывернула бы все содержимое, но горло пережато.

– Животное так не сделает, – шипел ублюдок, – нравится?! Черт, как же я давно хотел...

Тошнота усилилась. Большой извращенец!

– ... но папаша просек, – продолжал шипеть ублюдок. – И приставил к тебе эту тварь...

Сознание мутилось. От ужаса и отвращения мир с ног на голову перевернулся. Еще немного и...

Давившая сверху тяжесть пропала. В легкие хлынул воздух, и Николь рухнула на колени, хватаясь за ноющее горло. В ушах набатом стучала кровь, но в плотный шум вдруг вклинился хрип. Не ее хрип.

Картинка перед глазами обрела резкость, и Николь замерла, вжимаясь спиной в стену. Это чертова галлюцинация. Бред от недостатка воздуха, и сейчас она просто в отлучке! Но мираж не исчезал. Наливался оглушающим сипом жертвы и рычанием разбуженного хищника.

Макс дергался сломанной марионеткой, пытаясь ослабить хватку оборотня. Как мгновение назад она – хватался за душившую его руку, но не мог выиграть себе и крохотного глотка воздуха. Хрип стал глуше, надсаднее.

Коротко рыкнув, оборотень встряхнул добычу, и тихий хруст поставил точку в творившемся безумии. Тело, секунду назад бывшее ее братом, рухнуло на пол с переломанной шеей, а мужчина обернулся к ней.

О черт...

Совершенно осмысленный взгляд затолкнул обратно в глотку истеричный визг. Оборотень криво ухмыльнулся, обнажая блестящие влагой клыки.

– Так на чем мы остановились, гос-по-жа? – протянул по слогам. – Время продолжить.

Она все-таки вскрикнула. Жалко и слабо. Рванула на карачках в сторону, но не успела одолеть и фута. Болезненный тычок в шею выключил реальность, оставляя вместо себя тьму и ощущение бесконечного падения вниз.

Глава 6

Зараза, маленькая вкусная зараза, похерившая все его планы, а он – идиот. Слабак, не сладивший со своим зверем. С одурманенным, мать его, волком!

Двигатель тачки выл и всхлипывал от перегрева, но Дарк выжимал рычаг до упора. Сломает сейчас. Вырвет с корнем, но пальцы заклинило.

А в кабинке аромат, чтоб его! Крышесносный запах нежной карамели и молока. Даже кондер не справляется – только зря жрет драгоценное топливо.

Одна часть разума рвала и метала, накачивая яростью до отказа, а вторая фиксировала происходящее, раскладывая в ровную последовательность действий. Повернуть направо, потом вниз, еще направо, и опять в пике.

Средний Сектор – как паутина. Бесконечное множество перемычек, мостов, сплетений переходов. Одно неверное движение – и оставишь мозги на стене небоскреба. А волку плевать. Мечется под кожей, что чумной, последние клочки сна со шкуры стряхнул и воет на все лады. Задница мохнатая. Скотина, подставившая в самый ответственный момент.

Девчонка на заднем сиденье застонала, и в паху мигом отозвалось тяжестью. Вот блять.

Не выдержит. Не довезет до основной базы, обернется прямо тут.

Ругнувшись сквозь клыки, Дарк выкрутил руль до отказа. Нырнул под арку перехода, выбирая курс на ближайший перевалочный пункт.

Волк недовольно рывкал, требовал снять хренов ошейник. Ненавистное железо жгло кожу, но избавляться от него опасно. Человеческое «я» не выдержит натиска. Уступит животным инстинктам, вешая на его шею куда более тяжкий груз, чем кусок метала. Нужно еще хотя бы полчаса, чтобы взять контроль над зверем. Не позволить ему совершить последнюю, тотальную ошибку.

А девчонка опять стонет, возится в ремнях. Платьишко задралось, одна туфля упала, обнажая кукольно-изящную ступню. Слишком быстро в себя приходит. А может, и нет. Пользовать бессознательное тело – мало удовольствия, а дочурку ублюдка Оржевски – вдвойне.

Ярость и похоть грызлись под ребрами двумя бешеными псынами. Он не знал, чего хочет больше – выбросить девчонку из тачки или кувыркаться с ней сутки напролет, пока его запах не перекроет собой другой – ненавистный до зубовного скрежета.

Проклятье! Это же надо было так вляпаться! И ладно бы стерва какая, или сучка зубастая, как ее отец. Легла бы рядом с братцем со своим – волк покорился бы. Понял и дал возможность испытать сладкую месть до дна. Дарк готовился подать ее не просто холодной – ледяной до абсолютного нуля. И вдруг такой фортель! Весь четко вытроенный план рухнул

хреновым карточным домиком!

На периферии охваченного злостью сознания скреблась гадкая мыслишка, что девчонка ни в чем не виновата. Что она такая же заложница обстоятельств, но... Но не дочь Оржевски, мать ее! Плоть и кровь ублюдка, виновного в гибели его и многих других семей!

Взгляд скользнул по зеркалам, проверяя, не тянется ли за машиной хвост. Все чисто. Ресторан – это не нашпигованный охраной особняк. Вынести оттуда «перебравшую» девушку окружными путями было легко. Он же раб, черт возьми. Бездушная скотина с вшитым в ошейник маячком. Дарк вывел его из строя, едва только сел в тачку, которую тоже получилось угнать без проблем. Недотепа-шофер, залипавший в мобиле, так и не понял, откуда ему прилетело по темечку. В замке предпологаемо оказались ключи, а стоянка ограничивалась хлипеньким шлагбаумом.

Дарк сразу взял курс вниз, в катакомбы, но на полпути накрыло. Волк окончательно проснулся, а запах молочной карамели лучше любого антидота вытравливал из крови химический яд.

– Зараза! – прорычал, стискивая руль до побелевших костяшек.

Тачка нырнула в туннель, и пришлось сбавить скорость. Но чем меньше оставалось пути, тем сильнее бесился волк. Ногти кровоточили, застыв в полужвериной форме, а жилы простреливало ноющей болью.

– Эй... Эй! Пусти меня!

Чуть охрипший голосок ударил по затылку тяжеловесной кувалдой. Выбил все дельные мысли и размазал их под черепом ровным слоем, оставляя только животное «хочу»

Перед глазами колыхнулась алая пелена. Буквально на ощупь Дарк въехал в нужный бункер-гараж. Вспыхнули красные огни запирающего устройства. Все, успел... А девочке лучше снова потерять сознание. Волк слишком долго ждал свою пару.

Глава 7

Николь билась в широких ремнях, но руки оказались связаны слишком крепко. И ноги тоже. О, Господи! Ее трясло мелкой дрожью, бросая то в холод, то в жар.

Но под толщей паники пробивался тонкий росток удивления – оборотень оказался способен чувствовать. Мало того – он смог убить!

В том, что Макс мертв, не было никаких сомнений, как не было и жалости. Да черт бы с ним, ублюдок заслуживал смерти. Но почему оборотень не тронул ее? Родную дочь Оржевски, который та еще мразь и наверняка перешел дорогу куче народа. В голове лопались кипящие пузыри вопросов. Похитили с целью шантажа? Собираются требовать выкуп? Просто месть?

Дверь оглушительно хлопнула, ставя точку в хороводе мыслей, а через секунду над головой мелькнула мужская рука, и ремни обвисли порванными ленточками.

Сердце сделало кульбит и рухнуло на дно желудка. Николь не успела глотнуть воздух, как ее выволокли с заднего сиденья и впечатали в холодный металл машины. Во рту пересохло.

Два бездонных золотых омота прожгли насквозь, подрезая на корню попытку выбраться из стальных ручищ. Оборотень шумно вздохнул. Напрягся всем телом так, что под

Ткань декольте треснула, и оборотень сжал грудь. Не больно. Не так как Макс... Отвращение вспыхнуло бледной искрой и тут же потухло в нарастающей волне желанья. Черт, она ведь не знает даже, как это – просто обниматься, а ее вот-вот швырнут на капот машины и оттрахают как последнюю шлюху.

И, может быть, Николь бы согласилась. Позволила сделать с собой что угодно, потому что он красивый, привычный за столько времени, и вообще в ее ли положении говорить "стоп", но чертовы принципы взвизгнули о распущенности.

Николь дернулась, пытаясь выскользнуть из-под разгоряченного мужчины, или хотя бы глотнуть воздуха для крика, но рот запечатала широкая ладонь.

– Я все равно тебя возьму, – прорычал мужчина. – Не сопротивляйся.

С наслаждением выслушав возмущенные мычание, обнажил клыки.

– Мое имя Дарк. Запомни хорошенько...

Перед носом оказался капот машины, а оборотень придавил сверху. Уткнулся между шеей и плечом и глубоко вздохнул.

– ...Сладкая девочка, – проурчал со стоном.

Ее вскрик и новый треск платья прозвучали коротким дуэтом. Под лифчик нырнула горячая лапища, а трусики съехали вниз.

Николь инстинктивно сжалась, ожидая резкого толчка. Распластанная и беспомощная под оборотнем, приготовилась к дичайшей боли, но никак не ожидала мягкого почти невесомого прикосновения.

– Ох... – только и могла просипеть, чувствуя, как плавно мужчина провел пальцами между напряженных ног. А потом еще раз. Раскрыл нежные складки и уверенно обвел чувствительный комочек плоти, растирая первые капли влаги.

– М-м-м! – застонала сквозь прикушенную губу.

Потому что это было слишком. Слишком быстро, неожиданно и... приятно. Утром мысленно хоронить себя заживо, готовясь раздвинуть ноги перед ненавистным до дрожи ублюдком, а теперь...

Теперь она полуголая, со спущенными трусиками и в порванном платье на капоте авто, а между бедер устроился оборотень.

Дарк...

Внизу живота вспыхнула истома. Мягким теплом прошлась по мышцам, растирая в пыль последние крохи напряжения.

Мужчина почувал это. Прорычал что-то явно нецензурное и вдруг ущипнул за нежную вершинку соска. От макушки до кончиков ног прострелило болезненно сладкой вспышкой.

Вскрикнув, Николь выгнулась навстречу.

– Отзывчивая малышка, – оборотень прикусил мочку.

Новый щипок разбил вдребезги остатки сомнений. А че-

рез секунду Николь забыла обо всем на свете. Бесполезно цеплялась пальцами за гладкий металл капота, пытаясь найти точку опоры в подступавшей буре удовольствия.

Мир перед глазами вспыхнул цветными пятнами, когда внутрь проскользнул палец. Над головой опять зазвучало ругательство, а потом стало холодно. Тяжесть, давившая сверху, исчезла, но лишь на секунду.

Бедра попали в капкан мужских рук и вместо пальцев по распаленной плоти прошелся язык. Широко и жадно. Николь задохнулась от жгучей смеси стыда и восторга. Оборотень вылизывал ее! Там, в самом низу! Проталкивался глубоко внутрь, вбирал в рот чувствительные складочки и даже прикусывал. Ощущение звериных клыков так близко от нежной плоти встряхивало до поджатых на ногах пальцев. Все внутри вибрировало, отзывалось дрожью в такт тяжёлому дыханию и чуть слышному урчанию зверя. А ноги вот-вот подломятся, и она стечет по капоту безвольной лужицей прямо в мужские руки.

Внизу живота сжалось коротко и сладко. Вспыхнуло маленькой сверхновой, запуская первую волну сладких судорог.

– Дарк! – заскулила от приятных до боли спазмов. Но ее умоляющий вскрик только усилил напор зверя.

Несколько быстрых протяжных движений – и мир вокруг выцвел. Осыпался колкими сияющими искрами, и Николь вместе с ним. Растворилась в собственном стоне и захлебну-

лась в накрывшей с головой разрядке, такой яркой, что хотелось кричать, но голос просто исчез.

Сверху опять придавило. Под живот скользнула широкая ладонь, и на горло лег горячий ошейник мужских пальцев, заставляя выгнуться до хруста позвонков, а потом Дарк толкнулся внутрь.

Лёгкий укол боли прошел фоном. От ощущения тесноты и мужчины внутри и вокруг повело с новой силой. Оборотень толкнулся ещё раз, заполняя до предела, и она все-таки вскрикнула. Протяжно и сладко.

– Твою ж... – сдавленно прохрипел оборотень. – Узкая...

Новое движение выбило из нее очередной стон. Дарк взял темп сразу. Без раскачки и томных поцелуев, просто вминал ее в капот, лишь ненадолго замирая на самой вершине амплитуды и давая почувствовать наполненность.

От нехватки воздуха перед глазами кружили искры, а давление мужского превосходства переплавляло тело в мягкий воск. Она уже сама подавалась бедрами навстречу, наслаждаясь откровенностью происходящего. Ощущением жадной ласки и скользившей внутри твёрдости. Ее было так много. Слишком, чтобы выдержать долго.

Оборотень содрогнулся и зарычал. Впечатался в нее до упора, высекая искры нового оргазма. Из глаз брызнули слезы. Крупная судорога лишила опоры под ногами, и Николь обмякла, не имея возможности даже стонать.

Тяжелый стук сердца отдавался по всему телу, а над ухом

надсадно дышал мужчина. Все еще сжимал до хруста ребер и, кажется, не собирался отпускать.

О черт... Что это было? Николь пыталась собрать мысли в одно, но они разъезжались в стороны, как и ее ноги. Между которыми слишком уж... тесно. Непривычно. То есть она не знала, как должно быть на самом деле, но точно не так.

– Не дергайся, – зашипел оборотень. – Надо подождать.

Она сообразила не сразу. Понадобилось несколько десятков секунд и взгляд в сторону, на необычно вспухшие руки с когтями вместо ногтей. Дарк изменился! И наверняка выглядит сейчас как... как...

– Да, девочка, – понял ее отчаянное сопение и писк. – Ты только что трахалась с животным. И кончила два раза.

Оборотень выскользнул из нее, оставляя ощущение саднящей пустоты и тягучих капель, сочившихся по бёдрам.

– ...Мы только начали, – прорычал на ухо.

Ошмётки платья исчезли, как будто не было. Ее дёрнули с капота, и, не дав опомниться, перебросили через плечо. Голую!

– Пусти-и-и! – завизжала, пытаясь выкрутиться из стальной хватки. Бесплезно!

– Давай-ка найдем кровать, гос-по-жа, – зло хохотнул оборотень и понес ее внутрь блока.

Глава 8

Дешевый кофе горчил на языке отборной дрянью, но все равно не мог перебить вкуса сливочной карамели. Дарк сделал еще глоток и выругался сквозь зубы. Уже нормальные – клыки исчезли, как, впрочем, и когти. Шерстяной засранец забился в самый дальний угол сознания, удовлетворенный близостью с парой под самую завязку.

– Вот задница, – прошипел, снова прикладываясь к кружке.

Жаль, нормального пойла здесь нет. Хлебнул бы спирта и сжег все рецепторы нахрен – хоть на час избавляя себя от унижительных воспоминаний подчинения.

Волк взбесился так, что не удержать было. Заставил сделать все по высшему разряду – вылизать девчонку и свести к нулю неприятные впечатления от первого раза. Зверь ведь тоже не дебил пустоголовый – понимал, что если самому обхаживать пару нельзя, так надо человеческое «я» за шкуру брать. Ну и отвел душу. А ему теперь кофе глотай и дави в себе понимание, перед кем выпендривался. Еще и кончить внутрь умудрился.

В паху приятно отяжелело. Волк только рад был – ему щенков подавай полное логово и метку во все плечо. Перетопчется – овуляция у девки давно прошла. На периферии слуха сквозанул недовольный, но вялый рык. Хоть от этого

получилось удержаться, не застолбить себе спутницу, мать ее так. Значит, есть шанс выскочить сухим из дерьма под названием "парность".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.